

УДК 821.161.1Зверь из бездны7
 Чириков+821.161.1Города и годы
 7Федин
 ББК 84(2Рос=Рус)6

Т.В. Васильева

**ЛЕТОПИСНОЕ НАЧАЛО
 В РОМАНАХ
 «ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ»
 Е.Н. ЧИРИКОВА И «ГОРОДА
 И ГОДЫ» К.А. ФЕДИНА
 КАК ОТРАЖЕНИЕ
 СТИЛЯ ЭПОХИ**

Рассматриваются два произведения, создававшихся в переломный для России период — 20-е гг. XX в. Это роман Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны», написанный в эмиграции, и роман К.А. Федина «Города и годы», над которым писатель работал, вернувшись на родину. Исследование жанровых особенностей позволяет выйти на многоуровневое сопоставление произведений Е.Н. Чирикова и К.А. Федина. Выявлено наличие летописных черт в указанных произведениях и доказано, что данная жанровая особенность связана со стилем эпохи в целом.

Ключевые слова: *стиль эпохи, летописные черты, жанровый синтез, парафразирование жанра.*

Васильева Татьяна Владимировна — соискатель кафедры русской литературы и журналистики XX—XXI веков Московского педагогического государственного университета

Тел.: 8(916)294-54-83
 E-mail: educator@edu-v.tv

© Васильева Т.В., 2011 г.

В начале XX столетия имя Евгения Николаевича Чирикова было хорошо известно практически всей читающей публике. Его произведения издавались большими тиражами, быстро раскупались и переиздавались вновь. Интересен и тот факт, что рассказы Е.Н. Чирикова издавались в одних сборниках с произведениями И.А. Бунина и А.И. Куприна, а популярность его могла соперничать с популярностью А.П. Чехова. Как же случилось, что один из наиболее читаемых авторов начала прошлого века на долгие десятилетия оказался забытым у себя на родине? Огромную, если не определяющую, роль в этом сыграли такие исторические события, как Октябрьская революция, последовавшая за ней Гражданская война, эмиграция. Е.Н. Чириков вынужден был эмигрировать в 1920 г., жил сначала в Болгарии, потом в Чехословакии, в Праге, где и умер, так и не дождавшись желанного возвращения на родину, он «не примкнул ни к тем, ни к другим» в этой страшной национальной распре. Несколько десятилетий имя Е.Н. Чирикова не было знакомо читателям. Напечатанный в 70-е гг. XX в. сборник рассказов не произвел впечатлений ни на читателей, ни на ученых-филологов и не побудил их к серьезному исследованию его литературного наследия. Возросший интерес к личности и произведениям Е.Н. Чирикова выразился именно в последнее десятилетие в появлении работ о нем, последовавших после издания в 2000 г. сборника «Зверь из бездны: Роман, повести, рас-

сказы, легенды, сказка» [Чириков, 2000]. Действительно, итоговое произведение Е.Н. Чирикова «Зверь из бездны» (1922 г.), жанр которого он определяет выразительно — «поэма страшных лет» — не может не привлекать внимания, поскольку именно оно дает возможность исследователям приблизиться к постижению стиля эпохи, в которую оно было написано. Объясняя особенности жанра произведения, И.Г. Минералова побуждает к более внимательной интерпретации символики имен, выявлению роли аллюзий в нем, определению функций апокалиптических мотивов [Минералова, 2004, 2005].

Вопросы, связанные с изучением творчества Евгения Чирикова, обсуждались на Международной научной конференции, по результатам которой издан сборник «Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века» [Малоизвестные страницы..., 2006, с. 23–27, 101–107]. Однако аспект, затронутый в нашей работе, еще детально не рассматривался и представляет несомненный интерес для филолога. Сопоставление «Зверя из бездны» Е.Н. Чирикова с «Городами и годами» К.А. Федина в принципе ново, можно сказать, оно представляет собой поворотный момент в изучении русской литературы 20-х годов XX в. Анализ жанровой специфики произведений в данном случае будет определяющим. Исследование именно жанровых особенностей позволяет выйти на многоуровневое сопоставление произведений Е.Н. Чирикова и К.А. Федина, а в итоге — и на стиль эпохи в целом.

«Зверь из бездны» — произведение, создававшееся непосредственно в период послереволюционной смуты, когда в душе автора были необычайно сильны впечатления от только что бушевавших событий, трагичных и трагических настолько, что у их очевидца родилось ощущение конца времен. Вот почему в заглавие, в сильную позицию текста, вынесены слова из Апокалипсиса: «зверь, выходящий из бездны» (Откр.11:7). Обращение к теме Гражданской войны в России после Октябрьской революции ставит Е.Н. Чирикова в один ряд с такими писателями, как И.Э. Бабель, М.А. Булгаков, И.А. Бунин, М. Горький, Вяч.И. Иванов, А.Г. Малышкин, М.А. Осоргин, Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, А.С. Серафимович, А.Н. Толстой, А.А. Фадеев, К.А. Федин. Разумеется, отношение к указанным историческим событиям у названных авторов разное, порой полярно противоположное. Исторический план повествования в прозе о революции и Гражданской войне детально рассматривался в монографии Л.А. Трубиной «Историческое сознание в русской литературе первой трети 20 века: Типология, поэтика» [Трубина, 1999]. О названных авторах написан целый ряд работ, их творчество исследуется уже несколько десятилетий. Но как раз рассмотрение романа Е.Н. Чирикова в ряду тех, чье творчество вписано в историю русской литературы XX в., несомненно, сможет проявить в «картине истории русской литературы» названного периода новые черты и оттенки.

«Зверь из бездны» создавался Е.Н. Чириковым за границей, Константин Федин писал «Города и годы» в 1922–1924 гг., уже возвратившись на Родину. Обращаясь к проблеме жанровой специфики двух произведений, создававшихся в один и тот же период и посвященных одной эпохе, даже одним и тем же событиям, мы отмечаем и важнейшие особенности стиля эпохи 20-х гг. XX в. П.Н. Сакулин в работе «Синтетическое построение истории литературы» приглашает к синтетическому осмыслению содержания и формы: «<...> Высшими обобщениями в этой области является стиль писателя, стиль поэтической школы и, может быть, *стиль эпохи*» (Курсив наш – Т.В.). [Сакулин, с. 19–20].

Априори, обратившись к названным произведениям, мы сталкиваемся с романами как таковыми. Однако авторы внесли уточнения, важные для постижения внутренней формы их масштабных произведений, уточнения, которые вводят названные произведения в диалог с художественными творениями предшественников. Напомним, размышляя об определении жанра, Ю.Н. Тынянов говорит, что «в теории литературы – определения не только не основа, но, все время видоизменяемое эволюционирующим литературным фактом, следствие», «становится ясным, что давать статическое определение жанра, которое покрывало бы все явления жанра, невозможно: жанр смещается» [Тынянов, с. 255]. Исследуемые нами произведения в очередной раз подтверждают вышеприведенное мнение.

В «Звере из бездны» Е.Н. Чирикова и «Городах и годах» К.А. Федина органично соединяется таким образом несколько разновидностей романа.

Роман «Зверь из бездны» открывается словами: «Настанет некогда время, и взбаламученное море нашей жизни войдет в свои берега. Закроются разверзшиеся бездны, смолкнет грохот и ржанье бешено мчащихся коней с красными и белыми гривами...» [Чириков, с. 477]. Приведенные строки парафразируют Откровение Иоанна Богослова (Ср.: «конь белый» (Откр.6:2), «конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга» (Откр.6:4), «конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей» (Откр.6:5), «конь бледный, и на нем всадник, которому имя "смерть"; и ад следовал за ним» (Откр.6:8). «Произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю» (Откр.6:12,13). «И небо скрылось, свившись как свиток» (Откр.6:14). «И произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град» (Откр.11:19). Парафразирование именно этого библейского текста особенно значимо в художественном пространстве романа. Важно помнить, что события, о которых пишет Е.Н. Чириков, ассоциировались у современников с Апокалипсисом.

Кроме того, в обоих произведениях наличествуют летописные черты, что опять же является отражением стиля эпохи. (Летописное начало в произведениях тех же лет, что и «Зверь из бездны» и «Города

и годы», а именно в «Мирской чаше» М. Пришвина и «Белой гвардии» М. Булгакова, отмечалось И.Г. Минераловой. [Минералова, 2003, с. 232]).

«Настанет некогда время, и взбаламученное море нашей жизни войдет в свои берега. Закроются разверзшиеся бездны, смолкнет грохот и ржанье бешено мчащихся коней с красными и белыми гривами...», — предвещает Е.Н. Чириков [Чириков, с. 477]. Но случится все это «некогда», ну а пока бушуют события, которые и заставляют автора создать «художественную летопись... о том, как люди жили, ненавидели и любили в наши страшные годы» [Там же, с. 478]. Таким образом, можно рассматривать «Зверя из бездны» как «художественную летопись» (опять же по определению самого автора), и это будет особая *разновидность* летописи, появившаяся в ходе эволюции исходного жанра. Е.Н. Чириков дает литературе не только «обновленный» жанр поэмы («поэма страшных лет»), но и «обновленный» жанр летописи («художественная летопись»), что позволяет говорить, с одной стороны, о новаторстве автора «Зверя из бездны», с другой — о наследовании им традиций, идущих от древнерусской литературы. Подобное переосмысление жанров, их парафразирование само по себе является отражением стиля эпохи. (Ср.: переосмысление агиографического жанра и его воплощение в созданном Б. Зайцевым в 1925 г. «Житии Преподобного Сергия Радонежского». Б. Зайцев признавал важность подобного произведения именно для своей эпохи; он сам говорил, что такая тема никак не явилась бы автору и не завладела бы им в дореволюционное время.)

Рассматривая «Зверя из бездны» как портретирующий жанр летописи, выделим специфические черты, присущие летописным жанрам в целом. Д.С. Лихачев выделяет некоторые общие особенности русского летописания: «Русская летопись и русская жизнь были самым крепким образом связаны на всем протяжении» [Лихачев, с. 44]. Эту особенность стилизует и Е.Н. Чириков, называя своё произведение «художественной летописью». В предисловии к «Зверю из бездны» появляются слова: «Роман мой — сама жизнь. В нем мало выдумки и сочинительства» [Чириков, с. 478]. Конечно же, Е.Н. Чириков не стремится показать всё происходящее через жизнь важнейших государственных деятелей и правителей, как это было принято в летописях. Напротив, для писателя главными участниками исторических событий являются обыкновенные люди, попавшие в водоворот истории против своей воли. Именно их сломанные судьбы и искалеченные несчастьями души оказываются в центре внимания на полотне, созданном Е.Н. Чириковым. По существу, перед нами не история белого и красного движений, а история гибели человеческих душ, оказавшихся во власти «Зверя из бездны», история великой распри, проникшей в каждое семейство. Безусловно, не стоит забывать, что в процессе развития русского летописания появлялись разные формы летописей, например, с XII в. «вырабатываются новые формы летописания — се-

мейные, родовые и личные летописцы князей» [Лихачев, с. 421]. С некоторой условностью можно усматривать в произведении Е.Н. Чирикова черты семейного летописца. Кроме того, в период феодальной раздробленности «русское летописание постоянно служило целям национального объединения» [Лихачев, с. 421]. Параллели между эпохой феодальной раздробленности и эпохой Гражданской войны очевидны. Через жанр появляется скрытая отсылка к соотношению двух эпох, разделенных столетиями, но близость этих эпох в общей мысли о том, что сила государства — в единстве его народа. Называя своё произведение «художественной летописью» (Курсив наш. — Т.В.), автор намеренно усиливает в сознании читателя стремление соотнести текст с исторической («летописной») реальностью; законы художественного произведения, естественно, продолжают действовать (не ставится под сомнение, например, символика имен и т.д.). Черты летописного жанра в «Звере из бездны» накладывают соответствующий отпечаток на место и роль самого автора-повествователя, который, по определению исследователя, «стилизует образ автора “под летописца”» [Минералова, с. 232]. Е.Н. Чириков намеренно соотносит себя с летописцем, который отстраненно записывает все происходящие события, но сам «не судия, а свидетель, и не историк, а только живой человек...» [Чириков, с. 478]. Именно таким должен был быть летописец. Привносить в повествование собственную оценку и мнение (быть судьей) считалось непозволительным. Но задачей летописца было не упустить ничего существенного в описываемом историческом периоде. Летописец не указывает, что *нужно делать*, но показывает, что *делается*. В поле его зрения попадают только события, заслуживающие внимания. Сопоставление себя с летописцем позволяет Е.Н. Чирикову еще раз подчеркнуть масштабность, грандиозность изображаемых им событий.

По пути укрупнения событий идет и К.А. Федин, называя свой роман «Города и годы». Вынесенная в заглавие лексема «годы» опять же характеризует временной период, подчеркивая его значимость. Кроме того, у К.А. Фебина через заглавие прослеживается связь с жанром летописным (здесь важно учитывать, что летопись буквально: «запись по годам»). К.А. Федин намеренно расширяет это летописное начало, через лексему «города» определяя ещё и масштабную пространственную характеристику. В то время как многие летописи были изначально «привязаны» к конкретному месту. (Ср: в эпоху феодальной раздробленности свои формы летописания создаются в Чернигове, Галиче, Новгороде, Владимире и т.д.). Безусловно, само содержание произведения К.А. Фебина *формально* конкретизирует и место, и время описываемых событий (роман охватывает период с 1914 по 1922 г., местом действия попеременно становятся Россия и Германия). Но заглавие, сильная позиция текста, заставляет читателя вернуться к более масштабному осмыслению событий, о которых говорит автор: от конкретных городов и лет — к *эпохе* в целом, которая, по мнению автора,

не может вместиться в какие-либо пространственные рамки, но затрагивает целые народы и страны.

Связь с летописным жанром не ограничивается одним только заглавием. Произведение строится по подобию некоего летописного свода. Об этом свидетельствуют названия глав: «Глава о *годе*, который завершил роман», «Глава первая о *девятьсот девятнадцатом*», «Глава о *девятьсот четырнадцатом*», «Глава о *девятьсот шестнадцатом*» и т.д. (Курсив наш. — Т.В.). Таким образом, автор намеренно «самоустраняется», оставляя за собой, как и Е.Н. Чириков, роль наблюдателя, который только фиксирует события, относящиеся к тому или иному году, не давая их непосредственной оценки.

Заметим, что летописи могли включать в себя официальные документы, что позволяло подкрепить повествование документально. Функцию таких вставок в «Городах и годах» выполняют, например, письма Андрея Старцова. Документальным свидетельством тяжелого положения интеллигенции в революционные годы становится текст объявления, сообщающего о «штопке и надвязке чулок» по умеренным ценам [Федин, с. 19]. Полностью приводимые тексты приказов, плакатов, листовок, развешанных по стенам, помогают читателю составить представление о разноплановости революционной эпохи. (Воинственный приказ «За дело! Все в ряды! Бейте тревогу, враг у ворот» соседствует со смиренной просьбой-объявлением «Зайди и послушай слово Евангельское, зовем тебя, вход для всех свободный» [Федин, с. 42–43]).

Подобные элементы, сообщающие повествованию документальность, присутствуют и в главах, рассказывающих о начале Первой мировой войны. Не давая конкретных оценок, автор акцентирует внимание читателя на подписи под головой знаменитого убийцы Карла Эберсокса, выставленной в качестве экспоната на выставке, и под ее муляжом-мишенью в тире. Сама подпись «Зверский убийца, страшный бандит...» [Федин, с. 80] и то, как к голове обращается развлекающаяся толпа («Карлочка, Карлуша, Карлик» [Там же]), показывают накопившуюся в этой человеческой массе страшную силу. Извержение неизбежно, автор заставляет *предчувствовать* его.

Временами в повествование буквально врываются фрагменты газетных заголовков и статей: «Сегодня, в пять часов утра, в окрестностях Рота был задержан молодой человек, назвавшийся...» [Там же, с. 107]. Неоконченные, обрывающиеся в самых неожиданных местах, эти фрагменты военной прессы помогают воссоздать то хаотическое и необузданное, что неизбежно влечет за собой война. Абсурд и ужас происходящего читается в простом газетном объявлении, низводящем кровавую распрю до уровня дешевого зрелища: «Опусти 10 пфеннигов — увидишь войну!» [Там же, с. 246].

Формально «отказываясь» от авторской оценки, оставляя за собой лишь роль летописца, К.А. Федин и Е.Н. Чириков, как и ряд их современников, писавших о Гражданской войне, делают центром внимания

сами события, настолько многогранные и неоднозначные, что давать им какую-либо интерпретацию изнутри эпохи невозможно. «Только из будущего в прошлое можно смотреть с высоты орлиного полета... Настоящее же охватывает нас со всех сторон, мы — не над ним, а в нем, и мы — не судьи, а лишь свидетели о нем», — говорит Е.Н. Чириков во вступлении к «Зверю из бездны» [Чириков, с. 478]. Такой же позиции придерживается и К.А. Федин, как это видно из построения и внутренней организации романа «Города и годы». Летописное начало в «Звере из бездны» Е.Н. Чирикова и «Городах и годах» К.А. Фебина является не только проявлением жанрового синтеза, оно связано еще и со стилизацией, парафразированием жанра, становясь выражением стиля эпохи.

Литература

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века : материалы Междунар. науч. конф. Вып. 3. Ч. 1. М., 2006.

Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма. М., 2003.

Минералова И.Г. Имя и безымянность в русской литературе // Лучшая вузовская лекция. М., 2004.

Минералова И.Г. Способы выражения эпической содержания в романе Е. Чирикова «Зверь из бездны» // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения : материалы X Шешуковских чтений. М., 2005.

Сакулин П.Н. Синтетическое построение истории литературы. М., 1925.

Трубина Л.А. Историческое сознание в русской литературе первой трети XX века : типология, поэтика. М., 1999.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Федин К.А. Города и годы: роман. Л., 1935.

Чириков Е.Н. Зверь из бездны : роман, повести, рассказы, легенды, сказка. СПб., 2000.